

НАТОМИЯ МИФА

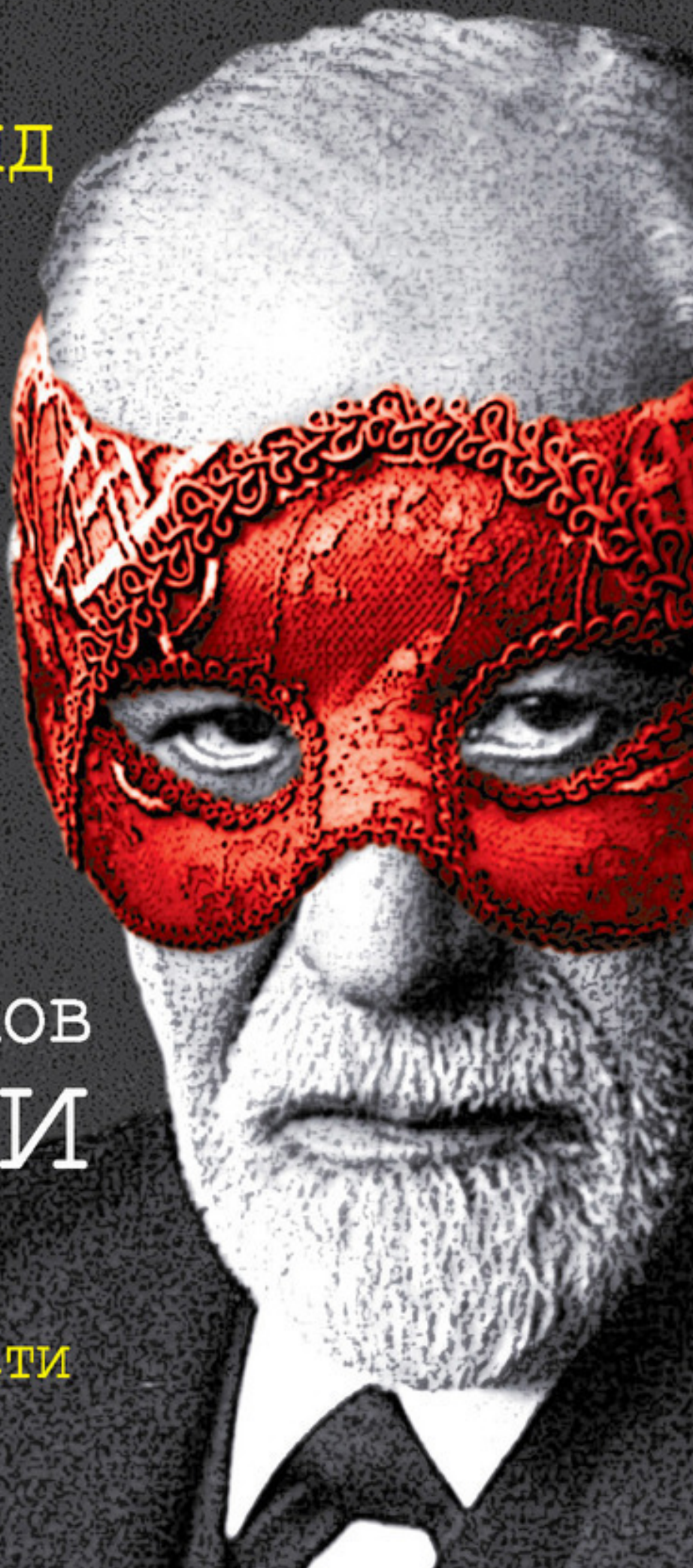
Зигмунд Фрейд

Рихард
фон Крафт-
Эбинг

Карен
Хорни

50 оттенков БОЛИ

Природа
женской
покорности

Анатомия мифа

Зигмунд Фрейд

**50 оттенков боли. Природа
женской покорности**

«Алисторус»

2015

Фрейд З.

50 оттенков боли. Природа женской покорности / З. Фрейд — «Алисторус», 2015 — (Анатомия мифа)

В 2011 году был опубликован скандальный роман Эрики Джеймс «50 оттенков серого». За три месяца продаж эта книга стала абсолютным мировым бестселлером. История любви, приправленная эротическими сценами с элементами садомазохизма, вызвала множество споров. Популярность книги объяснили кризисом феминизма и стремлением женщин оказаться в абсолютной власти мужчины. Так что же такое женский мазохизм? Зигмунд Фрейд впервые заговорил об этой проблеме. Основатель психоанализа со свойственной ему категоричностью заявил, что быть женщиной – значит, быть склонной к мазохизму. Это определено природой. Так ли это на самом деле? Что такое женский мазохизм: проблема, поддающаяся решению, или «изюминка», которую нужно принять?

Содержание

Рихард фон Крафт-Эбинг	6
Предисловие к первому изданию монументального труда психиатра «Половая психопатия»	6
Парестезия полового чувства (извращение полового влечения)	8
Садизм	9
Связь активной жестокости и насилия со сладострастием	9
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Зигмунд Фрейд, Карен Хорн и, Рихард фон Крафт-Эбинг 50 оттенков боли. Природа женской покорности

© Сост. Е. Бута, 2015

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2015

* * *

*У мазохизма есть свои строгие правила. И мы соглашаемся
терпеть боль, только если она изнанка любви.
Айрис Мердок*

Рихард фон Крафт-Эбинг

Предисловие к первому изданию монументального труда психиатра «Половая психопатия»

Лишь очень немногие вполне сознают могучее влияние, оказываемое половой жизнью на чувства, мышление и поступки как каждого отдельного человека, так и всего общества. В стихотворении «Мудрецы» Шиллер говорит об этом факте следующим образом:

Покуда мира строй и вид
Нам философия хранит,
Землею правит всею
Любовь и голод с нею¹.

Достоинно внимания то обстоятельство, что роль половой жизни встретила лишь крайне ничтожную оценку даже со стороны философов.

Шопенгауэр («Мир как воля и представление») прямо удивляется тому, что любовь до настоящего времени служила материалом только для поэзии, а не для философии, если не считать скудных исследований, находимых нами у Платона, Руссо и Канта.

То, что Шопенгауэр, а вслед за ним творец философии бессознательного Э. фон Гартман высказывают о половых отношениях, до такой степени ошибочно и страдает обилием общих мест, что если исключить работы Мишле («Любовь») и Мантегаццы («Физиология удовольствия»), представляющие скорее остроумную беседу, чем научное исследование, то придется признать, что как эмпирическая психология, так и метафизика половой стороны человеческой жизни являются пока еще почти совершенно нетронутой научной почвой.

Можно было бы полагать, что поэты – лучшие психологи, чем профессиональные психологи и философы, но вся суть в том, что они люди чувства, а не логики и по меньшей мере односторонни в исследовании интересующей нас области. Свет и тепло любви, вдохновляющей их, заслоняют им теневые ее стороны. Какой бы неистощимый материал ни дала историку «психология любви», этой поэзии всех времен и народов, великая загадка может найти свое разрешение только при содействии естествознания и, в частности медицины, черпающей психологический материал непосредственно из всестороннего изучения анатомо-физиологических данных.

Быть может, медицине удастся при этом найти посредствующую точку зрения для философского познания, одинаково далекую как от безотрадного мировоззрения философов-пессимистов вроде Шопенгауэра и Гартмана, так и от жизнерадостного наивного оптимизма поэтов.

Автор отнюдь не имеет в виду положить краеугольный камень в создание психологии половой жизни, хотя не подлежит сомнению, что психопатология явилась бы одним из важнейших источников для знакомства с психологией.

Задача настоящего исследования – познакомить с психопатологическими явлениями половой жизни и попытаться свести их к закономерным условиям. Задача эта нелегка, и несмотря на многолетний опыт, вынесенный мною из моей деятельности в качестве психиатра

¹ Перевод Ф. Миллера.

и судебного врача, я прекрасно сознаю, насколько труд мой далек от желательного совершенства.

Важное значение затронутого мною предмета для общественного блага и, в частности, для судебной практики требует, чтобы исследование его было обставлено вполне научно. Только тот, кому в качестве судебного врача приходилось давать свое заключение о ближних своих, жизнь, свобода и честь которых зависели от этого заключения, и горьким опытом прийти к безуспешному выводу о несовершенстве наших знаний в области патологии половой жизни, только тот может по достоинству оценить важность и значение попытки дать здесь общие руководящие принципы.

Во всяком случае, в области половых преступлений еще до настоящего времени господствуют самые превратные воззрения и самые нелепые заблуждения, отражающиеся, конечно, и на законодательстве, и на общественном мнении.

Тот, кто избирает предметом научного исследования психопатологию половой жизни, становится лицом к лицу с темной стороной человеческой жизни, с бедствием, в тени которого человек, «образ и подобие Божие» поэта, превращается в гнусное, чудовищное существо, отворачивающее от себя и эстетика, и моралиста.

На долю медицины, и в частности психиатрии, выпала печальная привилегия постоянного созерцания оборотной стороны человеческой жизни, ее слабостей и пороков.

Быть может, она найдет себе утешение в своем тяжелом призвании, а моралисту и эстетика доставит удовлетворение свести к патологическим условиям многое из того, что оскорбляет наше этическое и эстетическое чувство. Этим она возьмет на себя защиту и чести человечества перед судом морали, и чести единичных жертв рока перед их судьями и согражданами. Права и обязанности врачебной науки по отношению к таким исследованиям являются логическим выражением той высокой цели, которая должна отмечать всякое изыскание, – стремления к истине.

Автор в этом отношении вполне придерживается взгляда, сформулированного Тардьё («О преступлениях против нравственности»): «Никакая физическая или моральная ущербность, никакое несчастье, даже если оно свидетельствует о порочности, не должно отпугивать того, кто посвятил себя науке о человеке, и священное служение медицине, обязывающее его видеть все, разрешает ему и ничего не утаивать».

Нижеследующие страницы предназначены для людей, интересующихся серьезными исследованиями в области естествознания и юриспруденции. Для того чтобы они не могли служить предметом чтения непризванных, автор счел нужным избрать заглавие, понятное только специалисту, равно как по возможности прибегать к соответствующим терминам. Кроме того, отдельные места, особенно оскорбляющие наш слух, переданы на латинском языке.

Выражаем надежду, что исследование, посвященное одной из важных областей жизни и могущее дать врачам и юристам некоторый ключ к ее уразумению, встретит среди них благожелательный прием и пополнит действительный пробел в литературе, которая, за исключением нескольких статей и рассмотрения отдельных случаев, насчитывает всего две монографии – Моро и Тарновского, посвященные притом лишь некоторым вопросам нашей темы.

Парестезия полового чувства (извращение полового влечения)

В этом случае круг половых представлений отличается извращенной окраской, поскольку представления, которые при физиопсихологических условиях вызывают отвращение, при описываемой аномалии сопровождаются страстным вожделением, доходящим иной раз даже до степени аффекта. Практическим последствием являются извращенные действия (извращение полового инстинкта). Это происходит гораздо легче, если усиленные до степени аффекта страстные вожделения подавляют еще сохранившиеся представления и чувства противоположного характера или если эти последние, из-за отсутствия или утраты этических и эстетических представлений, вообще не возникают. Такие условия как раз и встречаются там, где источник этических представлений и чувств (нормальное половое ощущение) уже с раннего детства ненормален.

Извращением – при существующей возможности естественного полового удовлетворения – необходимо считать всякое проявление полового инстинкта, не соответствующее целям природы, т. е. размножению. Обусловленные парестезией извращения полового акта имеют в высшей степени важное клиническое, социальное и судебно-медицинское значение. Это обстоятельство побуждает нас, преодолев всякое этическое и эстетическое отвращение, остановиться на них более подробно.

Извращение полового влечения, как это видно будет из нижеследующего, не должно быть смешиваемо с *извращенностью* половых действий, так как последняя может быть обусловлена и не психопатологическими условиями. Конкретное извращенное действие, как бы чудовищно оно ни было, еще ничего не доказывает. Для того чтобы отличить болезнь (извращение) от порока (извращенность), нужно рассмотреть всю личность данного индивида и мотивы его извращенного действия: в этом именно и заключается ключ к диагностике. Парестезия² может сочетаться с гиперестезией, и сочетание это клинически встречается довольно часто. Извращение полового удовлетворения может быть направлено на лиц как своего, так и другого пола. Отсюда деление описываемой аномалии на две большие группы извращений половой жизни.

² *Парестезия* – в данном контексте извращение полового влечения, то есть возбуждение половой жизни неестественными, неадекватными раздражениями.

Садизм

Связь активной жестокости и насилия со сладострастием

В области полового извращения садизм не является редкостью, если, конечно, принять во внимание его рудиментарные проявления. Садизм есть ощущение полового удовольствия, доходящее до оргазма при виде и при испытывании наказаний и других жестокостей, совершаемых над человеком или даже над животным; садизмом называется также стремление причинять другим живым существам унижение, страдания, даже боли и раны с целью вызвать ощущение сексуального удовольствия.

Нередко врачу как доверенному лицу приходится слышать, что один из супругов при половом экстазе бьет другого, кусает, толкает, так что поцелуй незаметно переходит в укус. Иногда можно также наблюдать, как влюбленные супруги «из шалости» друг друга крепко давят, щиплют. Между этими, быть может, еще атавистическими явлениями в области половой жизни и чудовищными актами убийства одного из супругов в половом экстазе есть многочисленные переходные ступени.

Совершенно своеобразное, несомненно, садистское и, во всяком случае, не физиологическое явление современной культурной жизни заключается в очень бурном совершении полового акта одним из супругов, которое доходит до угроз и толчков. По всей вероятности, слишком большая сдержанность жены по сравнению с сексуальными домогательствами мужа, и именно в первое время брачного сожительства, пробуждает у мужа, при наличии гиперсексуальности, подобные садистские наклонности, на почве которых и возникают такие сцены. Так как, однако, сдержанность женщины и как бы насильственное овладение ею мужем вызывает и у нее приятные ощущения, то подобные комедии любви повторяются. Дальнейшее развитие таких садистских наклонностей состоит в том, что мужчина жаждет совокупления в неадекватном месте, причем он наслаждается смущением, стыдливостью жены, дает ей чувствовать свое превосходство и вызывает с ее стороны противодействие.

Наблюдение 1. Один из моих пациентов с тяжелой наследственностью, человек со странностями, муж необыкновенно красивой женщины с живым темпераментом, чувствовал отвращение к чистоте и нежности кожи жены и к ее элегантным туалетам, и, наоборот, охотно сходил с простыми, особенно нечистоплотными особами (фетишизм). Одновременно случалось, что он на уединенной прогулке принуждал свою жену к половому акту, несмотря на ее сопротивление, бросал ее на землю и удовлетворял свои желания на лесной тропинке, в кустах. Чем больше было сопротивление, тем больше он возбуждался, и его потенция не оставляла желать ничего более. То же происходило и в месте, где существовала опасность быть застигнутыми, например, во время путешествия в купе вагона, в клозете ресторана, и в то же время никогда у него не появлялось желания в брачной постели.

Так как у современного культурного человека, поскольку он наследственно не отягощен, ассоциация между сладострастием и жестокостью очень слаба и проявляется в рудиментарной форме, то возникновение связи между ними, ненормально легкое взаимное их возбуждение, их проявление часто в невероятных действиях надо искать в ненормальном (дегенеративном) предрасположении, в большой склонности к ассоциации в области чувства и полового влечения (половая и двигательная сфера).

Здесь, очевидно, дело в простом пробуждении душевных наклонностей из их латентного (скрытого) состояния путем внешних воздействий, которые для нормального человека лишены всякого значения, а тем более не способны вызвать аффект.

В смысле современного учения об ассоциации здесь не может быть и речи о случайной связи направлений чувства и полового влечения. Нередко садистские ощущения начинаются в детстве и возникают в тот период жизни, когда нельзя и думать о вызывании их путем внешних воздействий и в особенности об их половом характере.

Поэтому садизм, равно как и мазохизм и однополое влечение, должен рассматриваться как природные аномалии половой жизни. Это расстройство или отклонение в эволюции психо-сексуальных процессов на почве психической дегенерации.

То, что сладострастие и жестокость часто сочетаются друг с другом, – факт давно известный. На это явление указывали писатели всех направлений.

Блумредер видел мужчину с многочисленными ранами на груди, нанесенными развратной женщиной, которая достигала наслаждения укусами.

Балл сообщает о случае из своей «Клиники Св. Анны», где очень сильный физически эпилептик во время совокупления откусил нос у своей возлюбленной и проглотил кусочек носа.

Феррари (Archivio delle psicopatia sessuali, 1896, I. P. 106) сообщает о молодом человеке, который до совокупления щипал свою возлюбленную, во время совокупления кусал и щипал ее, «так как без этого он не испытывал никакого удовольствия». Однажды возлюбленная явилась с жалобой, что он ее слишком сильно изранил.

В сочинении «Об удовольствии и боли» (Friedreich's Magazin für Seelenkunde, 1830, II, 5) обращается специальное внимание на психологическую связь между сладострастием и манией к убийству. Автор указывает на индийский миф о Шиве и Дурге (смерть и сладострастие), на человеческие жертвы со сладострастными мистериями, на половое влечение в период половой зрелости с тягой к самоубийству, на смутное стремление к удовлетворению похоти путем бичевания, щипания половых органов.

Ломброзо (*Lombroso. Verzeni e Agnoletti. Roma, 1874*) также приводит многочисленные примеры появления мании убийства при чрезмерном усилении сладострастия.

С другой стороны, часто мания убийства сопровождается сладострастием. Ломброзо в цитированном труде приводит упоминаемый Мантегаццей факт, что к ужасам грабежа и убийства, производимым разнузданными солдатами в военное время, всегда присоединяется скотское сластолюбие.

Факты эти представляют собой переход к резко выраженным патологическим случаям.

Поучительны примеры выродившихся цезарей (Нерон, Тиберий), которые упивались зрелищем совершавшейся по их приказанию и на их глазах казни юношей и девиц, равно как и история маршала Жюль де Ре (*Jacob. Curiosités de l'histoire de France. Paris, 1858*), казненного в 1440 г. за изнасилование и умерщвление в течение 8 лет более 800 детей. По собственному признанию этого чудовища ему, под влиянием чтения Светония и описания оргий Тиберия, Каракаллы и других, пришла идея завлекать детей в свои замки, насиловать их под пытками и затем убивать. Изверг утверждал, что он испытывал при этих ужасах чувство неизъяснимого наслаждения. Пособниками его были два приближенных к нему лица. Трупы несчастных детей сжигались, и только несколько особенно красивых детских головок он... сохранял на память. Эйленбург (указ. соч., с. 58) приводил почти несомненные доказательства того, что Ре был душевнобольным.

При попытке объяснить эту связь между сладострастием и жестокостью необходимо вернуться к тем как бы еще физиологическим случаям, в которых на высоте сладострастного ощущения сильно возбудимый, но в общем нормальный субъект кусает и царапает партнера по половому акту, т. е. совершает действия, присущие обычно гневному аффекту. Далее следует напомнить о том, что любовь и гнев суть не только два самых сильных аффекта, но вместе с тем и две единственно возможные формы сильного (стенического) аффекта. И та и другой ищут своего объекта, желают овладеть им и, так сказать, разрядиться в форме телесного воздействия

на него; и та и другой приводят психомоторную сферу в состояние сильнейшего возбуждения, при посредстве которого и происходит их нормальное внешнее проявление.

С этой точки зрения становится понятным, что сладострастие приводит к действиям, обычно адекватным гневу. Как и этот последний, оно представляет собой состояние экзальтации, могучее возбуждение всей психомоторной сферы. Отсюда рождается желание реагировать на вызывающий это раздражение объект всевозможными путями и в наиболее интенсивной форме. Подобно тому как маниакальная экзальтация легко переходит в неистовое стремление к разрушению, так и экзальтация полового аффекта обуславливает иногда тягу разрядить общее возбуждение в форме нелепых и, по-видимому, враждебных действий.

Эти последние представляют собой до известной степени психические сочувственные движения; но здесь имеет место не простое бессознательное возбуждение иннервации мышц (иногда, впрочем, наблюдается вместе с тем и оно в форме метания из стороны в сторону), но настоящая гипербулия, желание оказать наиболее сильное воздействие на лицо, служащее источником возбуждения; наиболее же действенным средством для этого является причинение боли.

Взяв за исходную точку такие случаи причинения боли на высоте аффекта сладострастия, мы переходим к случаям, в которых дело доходит до серьезного насилия над жертвой, до ранения ее и даже умерщвления. Здесь влечение к жестокости, могущее сопутствовать сладострастному аффекту, усиливается в психопатическом индивиде до чрезмерной степени, тогда как, с другой стороны, из-за отсутствия или недостаточности этических чувств все нормальные противодействия оказались или оказываются очень слабыми.

Но у мужчины, у которого чудовищные, садистские действия этого рода наблюдаются несравненно чаще, нежели у женщины, они имеют еще второе сильное обоснование в чисто физиологических условиях.

В общении полов на долю мужчины выпадает активная, даже агрессивная роль, тогда как женщина сохраняет пассивное, оборонительное положение. Для мужчины составляет большой соблазн завоевать женщину, покорить ее, и в искусстве любви непорочность женщины, пребывающей в оборонительном положении до того момента, когда она отдается, является фактором, имеющим высокое психологическое значение. Нормальный мужчина, следовательно, видит себя стоящим лицом к лицу с препятствием, преодоление которого составляет его задачу и облегчено самой природой, наделившей его для этого агрессивным характером. Но при патологических условиях этот агрессивный характер опять-таки может вырасти до чрезмерной величины и превратиться в стремление безгранично подчинить себе предмет вождления, подчас вплоть до уничтожения, умерщвления его.

Как только эти составные элементы, – ненормально усиленное влечение к бурной реакции на объект возбуждения и болезненно повышенная потребность подчинить себе женщину, – совпадают, в результате возникают сильнейшие взрывы садизма.

Садизм, таким образом, не что иное, как патологическое усиление – возможных в виде намеков и при нормальных условиях – сопутствующих явлений психической половой жизни, особенно у мужчин, до чрезвычайных и даже чудовищных размеров. Но, само собой разумеется, отнюдь не безусловно необходимо и действительно отнюдь не всегда бывает, что садист сохраняет в своем сознании эти элементы своего влечения. То, что он ощущает, есть обычно только стремление к жестоким и насильственным действиям по отношению к противоположному полу, причем представление о таких актах сопровождается сладострастными ощущениями. Отсюда могущественный импульс к совершению действий, не выходящих до сих пор из круга представлений. Поскольку подлинные мотивы этого влечения не сознаются самим индивидом, садистские акты носят характер импульсивных действий.

При существовании ассоциаций между сладострастием и жестокостью не только сладострастный аффект пробуждает стремление к жестокости, но и, наоборот, представление о

жестоких действиях и в особенности созерцание их вызывает в извращенном индивиде сильное половое возбуждение и используется им в этом направлении.

Эмпирического различия между прирожденными и приобретенными случаями садизма провести нельзя. Многие от рождения отягощенные индивиды длительное время прилагают все усилия, чтобы противостоять своим извращенным стремлениям. Если половая сила еще сохранилась, то они вначале ведут нормальную половую жизнь зачастую при содействии внутренних представлений извращенного характера. Только впоследствии, после постепенного подавления этических и эстетических мотивов противоположного характера и после повторного опыта, показавшего им, что нормальный половой акт не доставляет полного удовлетворения, болезненное влечение прорывается наружу. Такое позднее превращение прирожденной извращенной склонности в действия может симулировать приобретенное извращение. Но умозрительно следует принять, что это психопатическое состояние всегда существует с рождения. Основания для такого воззрения приведены ниже.

Садистские акты крайне разнообразны в зависимости от степени их чудовищности, от власти извращенного влечения над данным индивидом и от силы имеющихся еще противодействий, которые почти всегда в большей или меньшей степени ослабляются прирожденными этическими дефектами, наследственным вырождением, нравственным помешательством. Таким путем возникает длинный ряд форм, начинающийся тягчайшими преступлениями и оканчивающийся самыми нелепыми действиями, которые имеют целью доставить извращенной потребности садиста лишь символическое удовлетворение.

Далее, садистские акты могут быть различаемы еще в зависимости от того, предпринимаются ли они после нормального совокупления, не насытившего, однако, чрезмерной похотливости; от того, производятся ли они в качестве подготовительного этапа для того, чтобы поднять упавшую половую силу; или, наконец, от того, прибегают ли к ним при полном отсутствии потенции как к эквиваленту сделавшегося невозможным полового акта, для достижения семяизвержения. В обоих последних случаях, однако, несмотря на импотенцию, у данного субъекта имеется еще сильная похотливость или, по крайней мере, имелась в то время, когда садистские акты сделались привычными. В половой гиперестезии следует всегда видеть основу садистских наклонностей. Половое бессилие, столь частое у рассматриваемых здесь психо- и невропатических лиц и являющееся в большинстве случаев последствием эксцессов сексуального плана, имевших место уже в ранней юности, бывает обычно спинальной слабостью. Иногда может наступить и своего рода психическая импотенция под влиянием сосредоточения сознания на извращенном акте, рядом с которым картина нормального полового удовлетворения бледнеет.

В чем бы, однако, ни выражался садизм с внешней стороны, для понимания его существенное значение имеют всегда психически извращенные предрасположение и направление страсти садиста.

а) *Мания убийства на почве сладострастия (сладострастие, усиливающееся до жестокости, мания убийства и антропофагии).*

Наиболее гнусным, но в то же время и наиболее доказательным примером взаимной связи между сладострастием и манией убийства может служить случай Андреаса Бишеля, опубликованный Фейербахом в его «Документальном описании необычных преступлений».

Бишель насиловал молодых девушек и затем убивал и разрезал их на части. Вот как рассказал он на суде об убийстве одной из своих жертв:

«Я вскрыл ей грудь и рассек ножом мясистые части тела. После того я повернул ее, как мясник это делает со скотом, и разрубил топором тело на части, чтобы иметь возможность положить его в яму, вырытую мною на горе. Я должен сознаться, что при вскрытии я чувствовал такую жадность, что дрожал всеми членами и едва удержался от искушения отрезать кусок мяса и съесть его».

Ломброзо также приводит соответствующие случаи; между прочим, он упоминает об одном субъекте по имени Филипп, который имел обыкновение душить после совокупления проституток и однажды выразился так: «Женщин я люблю, но мне забавно душить их после того, как я наслаждался их ласками».

Некто Грасси однажды ночью почувствовал неодолимое желание совершить половой акт со своей родственницей, жившей в одном доме с ним. Раздраженный встреченным сопротивлением, он несколько раз вонзил ей нож в живот, а когда отец и дядя пытались остановить его, он и им нанес удары тем же оружием. Затем он отправился к одной проститутке, чтобы охладить в ее объятиях свой пыл. Но и это не удовлетворило его. Он убил еще своего отца и заколол несколько быков, стоявших в хлеву.

В том, что многие из таких убийств имеют своим истоком гиперестезию в соединении с половой парестезией, после всего сказанного сомневаться нельзя. Так, под влиянием извращения чувственных ощущений убийца способен и на дальнейшие чудовищные манипуляции с трупом своей жертвы, например, он рассекает его на мельчайшие куски, роется в его внутренностях и т. п. Уже приводимый выше случай Бишеля доказывает эту возможность. Пример из новейшего времени представляет случай Менесклу (*Annales d'hygiène publique*), который на основании экспертизы Ласега, Бруарделя и Моте был признан душевно здоровым и приговорен к смертной казни.

Наблюдение 2. 15 апреля 1880 г. исчезла из дома родителей 4-летняя девочка. 16-го арестован был один из жильцов этого же дома по имени Менесклу. В его карманах были найдены ручки ребенка, а из печки извлечены полуобугленная головка и внутренности. В отхожем месте также нашли части трупа. Половые части не были найдены. При вопросе об этих последних Менесклу обнаружил смущение. Это обстоятельство, в связи с найденным у него циничным стихотворением, не оставляло никакого сомнения в том, что именно он изнасиловал и затем убил ребенка. Менесклу не выказывал ни малейших следов раскаяния и преступление свое объяснял только несчастьем. Умственные способности ограничены. Признаков вырождения не имеется; преступник туг на ухо, золотушен.

Менесклу 20 лет; на 9-м месяце жизни наблюдались судороги; впоследствии страдал беспокойным сном, ночным недержанием мочи, отличался нервностью, развился поздно и плохо. С периода половой зрелости обнаруживал раздражительность, дурные наклонности, был ленив, неспособен ни к каким занятиям. Даже в исправительном заведении он не переменялся. Его отдали в морскую службу, но и там дело шло не лучше. Возвратившись домой, он обокрал своих родителей и вращался в самом дурном обществе. За женщинами он не бегал, но онанизму предавался усердно и иногда содомизировал сук. Мать его страдала периодическим маниакальным состоянием менструального характера, один дядя был душевнобольной, другой – пьяница.

При исследовании мозга Менесклу обе лобные доли, первая и вторая лобные извилины и часть затылочной извилины оказались патологически измененными.

Наблюдение 3. Приказчик Элтон, в Англии, отправляется на загородную прогулку, завлекает ребенка в кусты, через некоторое время возвращается и идет к себе в контору, где и заносит в свою записную книгу следующие слова: «Убил сегодня девочку, было прекрасно и горячо».

Дома родители хватились ребенка, отправились на поиски и нашли рассеченный труп, причем некоторые части, между прочим, половые органы, не удалось отыскать. Элтон не обнаружил ни малейших следов душевного волнения и не дал никаких объяснений относительно мотивов и подробностей своего ужасного злодеяния.

Это был психопатический субъект, у которого по временам замечались подавленное настроение и отвращение к жизни. Отец его испытал однажды приступ острой мании; один из близких родственников страдал манией убийства. Элтон был казнен.

Наблюдение 4. Джек-потрошитель. В 1887–1889 гг. в различных кварталах Лондона находили трупы девушек, своеобразным образом убитых и изувеченных. Убийцу не нашли. По всей вероятности, убийца совершал свое дело на почве скотской похоти, причем прежде всего перерезал им горло, затем вскрывал живот и рылся во внутренностях. Во многих случаях он вырезал наружные и внутренние половые органы и брал их с собой, очевидно для того, чтобы возбуждать себя их видом. В других случаях он удовлетворялся тем, что разрезал их на мелкие части. Можно предполагать, что убийца не совершал никакого полового акта с жертвами своего извращенного полового влечения, а убийство и изувечение трупов являлось для него эквивалентом полового акта.

Наблюдение 5. Ваше-потрошитель. 31 августа 1895 г. в поле нашли 15-летнего пастуха почти голым с распоротым животом и массой ран на теле. Выяснилось, что этим ранениям предшествовало удушение.

4 августа 1897 г. был арестован в качестве предполагаемого убийцы некий Ваше, бродяга, которому приписали не только это убийство, но и ряд подобных злодеяний, совершенных во Франции с 1894 г. Он утверждал, что совершал эти преступления в припадке временного сумасшествия, бессознательно и импульсивно, в состоянии неистового бешенства. Исследование, однако, показало, что убийца действовал в полном сознании и по совершении преступления принимал все меры к его сокрытию. Кроме того, он прекрасно помнил происшедшее.

Ваше родился в 1869 г., от почтенных родителей, в психически здоровой семье, никогда не был тяжело болен; в детстве был злым, ленивым, неуживчивым, на 20-м году сделал попытку к насилию над ребенком, на военной службе считался злым человеком и был уволен в 1893 г. из-за психических расстройств (он заговаривался, иногда появлялась мания преследования, он угрожал, был крайне раздражителен). В 1893 г. он ранил девушку, отказавшуюся выйти за него замуж, покушался на самоубийство (выстрел в голову через правое ухо, после чего осталась глухота на правое ухо и парез лицевого нерва). Он был помещен в заведение для душевнобольных, где у него обнаружили бред преследования. 1 апреля 1894 г. выписался здоровым.

Затем он бродяжничал и совершил следующие возмутительные преступления. 20 марта 1894 г. он задушил некую Делом, 21 года, отрезал ей голову, часть правой груди и совершил совокупление с трупом. То же, кроме последнего, он совершил 20 ноября 1894 г. над 13-летней девушкой Марсель, затем 21 мая 1895 г. над 17-летней Мортюре. 24 августа 1895 г. он задушил и обесчестил 58-летнюю женщину. 22 сентября отрезал голову и пытался распороть живот 16-летней девушке, 29 сентября совершил над 14-летним пастухом Пеле то же самое, что он потом сделал с Порталье, разрезал его половые части и осквернил труп.

1 марта 1896 г. он сделал попытку к изнасилованию 11-летней Деруе, но ему помешал сторож, 10 сентября он совершил такое же злодеяние над 19-летней, недавно вышедшей замуж Мунье, 1 октября – над 14-летней пастушкой Родье, у которой вырезал наружные половые органы и взял их с собой. В конце мая 1897 г. он убил 14-летнего бродягу Бопье, отрезал ему голову и труп бросил в колодец, 18 июня убил 13-летнего пастуха Лорана и совершил педерастический акт с трупом. Вскоре затем последовало покушение на г-жу Плантье, но здесь помощь подоспела вовремя, однако Ваше успел убежать.

Экспертами в этом чудовищном судебном деле были проф. судебной медицины в Лионе Лакассань, проф. психиатрии Пьеррель и врач по душевным болезням Ребатель. Они констатировали отсутствие отягощенной наследственности, какой-либо мозговой болезни, эпилепсии. Он был не особенно развит, с детства раздражителен, зол, вспыльчив, мучил животных.

Никто не хотел держать его на службе. Он поступил в монастырь послушником, однако должен был уйти оттуда, так как мастурбировал товарищей. Вследствие его безнравственных поступков и раздражительности его всегда прогоняли со службы. Пьяницей не был. Во время военной службы его боялись и избегали. Однажды он пришел в ярость, хотел ударить начальника, начал бредить, так что пришлось его отправить сперва в госпиталь, а затем в заведение для душевнобольных. Товарищи считали его ненормальным. В периоды гневного аффекта он не помнил себя и был очень опасен для окружающих женщин, угрожал тотчас зарезать, и всякий видел, что он способен на это. Он плохо спал, грезил убийствами, часто бредил ночью, так что никто не мог спать вблизи него.

В заведении для душевнобольных у него нашли бред преследования, считали его опасным. Он сделал новую попытку к самоубийству. В конце концов, его отпустили поправившимся.

Затем он совершил 11 убийств, являвшихся садистскими актами. Они состояли в задушении или отрубании головы, разрубании и уродовании трупов, особенно половых органов, и в удовлетворении еще ненасыщенной половой страсти над трупом.

С положительностью было доказано, что Ваше совершал свои преступления хладнокровно, при полном сознании, при отсутствии каких-нибудь особых явлений со стороны психики.

Преступления были совершены в различных частях Франции, которую Ваше исколесил вдоль и поперек.

Ваше не обнаруживал никаких анатомических признаков дегенерации, половые органы развиты нормально. Он тщеславен, вспыльчив, неуживчив. Из упрямства он однажды в течение 7 дней отказывался от пищи. Другой раз с ним случился приступ ярости от того, что ему не позволяли пойти в церковь. С цинизмом говорил он о своих преступлениях, не обнаруживал никакого раскаяния, мотивировал их сильными припадками ярости, притворялся сумасшедшим в надежде попасть в заведение для душевнобольных, откуда легче можно было бы бежать.

В действительности эксперты не нашли у него никаких симптомов душевной болезни.

Заключение экспертов следующее: Ваше не эпилептик, не импульсивный больной. Он безнравственный, одержимый страстью человек, который однажды страдал преходящей депрессивной формой бреда преследования с склонностью к самоубийству. Выздоровев, он сделался вполне вменяемым. Его преступления – преступления человека антисоциального, кровожадного садиста, который рассчитывал, что он может безнаказанно совершать свои ужасные злодеяния на основании бывшего у него ранее душевного заболевания и освобождения от наказания в прошлом, это обыкновенный преступник, и прежнее душевное заболевание не уменьшает ответственности за совершенное им. В. был присужден к смертной казни (Archives d'anthropologie criminelle, XIII, № 78).

В подобного рода случаях может обнаруживаться даже страстное влечение к мясу убитой жертвы и как последствие извращения соответствующих представлений – пожирание частей трупа.

Наблюдение 6. Леже, винодел, 24 лет от роду, с ранних лет мрачного, замкнутого характера, нелюдимый, отправляется искать себе место. 8 дней блуждает он в лесу, встречается там 12-летнюю девочку, насилует ее, разрезает половые части, вырывает сердце, съедает его, пьет кровь и затем закапывает труп. Арестованный, он сперва отрицается, но под конец с циничным хладнокровием признается в своем преступлении. Столь же равнодушно он выслушивает смертный приговор. При вскрытии Эскироль нашел патологические сращения между головным мозгом и его оболочками.

Наблюдение 7. Тирш, смотритель богадельни в Праге, 55 лет от роду, всегда замкнутый, своенравный, грубый, в высшей степени раздражительный, угрюмый, ворчливый и мстительный, приговорен был за покушение на изнасилование 10-летней девочки к заключению на 20 лет. В последнее время обратил на себя внимание приступами ярости, вспыхивавшими по малейшему поводу, равно как и отвращения к жизни.

В 1864 г., после отказа одной вдовы выйти за него замуж, воспылил ненавистью к женщинам и 8 июля шатался по городу с целью убить кого-нибудь из этой ненавистной ему половины человеческого рода.

Набросился на встреченную им в парке немолодую женщину, пытался совершить с ней половой акт, несмотря на сопротивление повалил на землю, охваченный яростью со всей силой сдавил ей горло. Труп собирался сечь срезанным березовым прутом, затем передумал, вырезал ножом груди и половые органы, дома сварил и все это ел. 12 сентября при аресте его найдены были еще остатки этого ужасного пиршества. Свое преступление он мотивировал «внутренней жадностью» и сам требовал своей казни, указывая на то, что он всегда был отщепенцем рода человеческого. В тюрьме он обнаруживал необычайную раздражительность, которая по временам усиливалась до настоящих взрывов бешенства, сопровождавшихся отказом от пищи и требовавших изолирования его на несколько дней. Следствием было констатировано, что и большинство его прежних половых эксцессов совпадало с приступами возбуждения и ярости.

В других случаях сладострастного убийства изнасилование, вследствие физических или психических причин, не совершается, и садистское преступление является исключительно суррогатом полового сношения.

Прототипом подобных случаев служит случай Верцени. Жизнь его жертв зависела от быстрого или медленного наступления у него эякуляции. Так как этот примечательный случай заключает в себе все, что современная наука знает о связи между сладострастием и манией убийства, доходящими даже до антропофагии, то мы позволим себе привести подробное его описание, тем более что он и исследован довольно точно.

Наблюдение 8. Винченцо Верцени, родился в 1849 г., в тюрьме с 14 января 1872 г., обвиняется: 1) в покушении на задушение своей тетки Марианны, в то время, когда последняя в течение 4-х лет лежала больной в постели; 2) в покушении на задушение 27-летней замужней женщины Арзуффи; 3) в покушении на задушение замужней женщины Галы, которой он сдавил горло, став коленями на живот; 4) кроме того, его подозревали в совершении следующих убийств.

В декабре 14-летняя Иоанна Могта ушла между 7 и 8 часами утра в соседнюю деревню. Так как она долго не возвращалась, то хозяин отправился искать ее и на дороге, вблизи деревни, наткнулся на ее труп, страшно изуродованный бесчисленным множеством ран. Кишки и половые органы были вырваны из вскрытой полости живота и находились здесь же, поблизости от трупа. Нагота последнего и ссадины на бедрах заставляли подозревать изнасилование, а рот, наполненный землей, указывал на задушение. Вблизи трупа, под кучей соломы, лежали оторванный кусок правой икры и части одежды. Убийца остался неразысканным.

28 августа 1871 г. рано утром 29-летняя замужняя женщина Фриджени отправилась в поле. Так как к 8 часам она не возвратилась домой, то муж отправился за ней. Он нашел на поле ее обнаженный труп со странгуляционной бороздой на шее, со множеством ран и вскрытым животом, из которого вывалились кишки.

29 августа, в полдень, 19-летняя Мария Превитале, проходя по полю, достигнута была своим двоюродным братом Верцени, который затащил ее в сторону, повалил наземь и начал душить. Когда он на минуту освободил ее горло, желая удостовериться в том, что поблизости никого нет, девушка вскочила на ноги и просила его отпустить ее.

Верцени предстал перед судом. Ему 22 года, череп его несколько больше средних размеров, асимметричен. Правая лобная кость уже и ниже левой, правый лобный бугор менее развит, правое ухо меньше левого (на 1 см в длину и на 3 см в ширину), на обоих ушах недостает нижней половины helix (улитки), правая височная артерия несколько атероматозна. Ригидность затылка, ненормальное развитие скуловой кости и нижней челюсти, пенис сильно развит, frenulum (уздечка) отсутствует; легкое перемежающееся косоглазие (слабость внутренних прямых мышц и миопия) На основании этих признаков вырождения Ломброзо сделал вывод о врожденной задержке развития правой лобной доли. У Верцени, по-видимому, порочная наследственность: двое дядей – кретины, третий – микроцефал, не имеет бороды, одно яичко отсутствует, другое – атрофировано. Отец представляет следы пеллагрозного перерождения и имел приступ пеллагрозной ипохондрии. Один двоюродный брат страдал гиперемией мозга, другой занимался воровством.

Семья Верцени отличается ханжеством и мелочной скупостью. Сам он обнаруживает среднее умственное развитие, умеет хорошо защищаться, пытается доказать свое алиби и набросить тень на дающих показания свидетелей. В прошлом его нет ничего, что указывало бы на душевную болезнь; характер у него, впрочем, странный; он молчалив, любит уединение. В тюрьме ведет себя цинично, мастурбирует и во что бы то ни стало ищет случая увидеть какую-либо женщину.

Верцени сознался наконец во всех своих преступлениях и сообщил их мотивы. Совершение их, по его словам, доставило ему неописуемо приятное (сладострастное) ощущение, сопровождавшееся эрекцией и излиянием семени. Уже при дотрагивании до шеи жертвы у него появлялись половые ощущения. В этом отношении для него было безразлично, была ли женщина стара или молода, красива или безобразна. Обычно его удовлетворяло уже одно душеение, и тогда он оставлял свою жертву в живых; в двух вышеназванных случаях наступление полового удовлетворения замедлилось, и вот почему он стал нажимать на горло сильнее, пока жертва его не испустила дух. Душение женщины доставляло ему большее половое удовлетворение, нежели онанизирование. Ссадины на бедрах Мотты сделаны его зубами, когда он кусал ее и с наслаждением высасывал ее кровь. Кусок икры правой ноги он унес с собой, чтобы зажарить дома, но зарыл его по дороге под кучей соломы, опасаясь, что мать узнает обо всем. Он захватил с собой также часть одежды и внутренностей, так как ему доставляло большое наслаждение ощупывать и обнюхивать их. По его словам, в эти моменты он испытывал необычайно сильное сладострастное ощущение. При совершении своих преступлений он не сознавал, что вокруг него делается (очевидно, в силу прекращения апперцепции и инстинктивности действий, обусловленных чрезмерным половым возбуждением). После этого он неизменно получал ощущение полного удовлетворения и чувствовал себя превосходно; угрызений совести он не испытывал никогда. Ни разу не приходило ему в голову прикасаться к половым частям женщин, которых он подвергал мучениям; он довольствовался удушением их и высасыванием крови. Действительно, показания этого современного вампира, по-видимому, вполне соответствуют истине. Нормальное половое влечение ему совершенно чуждо: сношения с двумя любовницами, которых он имел, ограничивались только тем, что он созерцал их; он сам удивлялся тому, что по отношению к ним он не испытывал никакого желания душить их или сжимать им руки, но верно и то, что они не доставляли ему того наслаждения, какое он получал от своих жертв. Нравственного чувства, раскаяния или чего-либо подобного в нем не было и следа.

Верцени сам соглашался с необходимостью заключения его в тюрьму, так как на свободе он не был в состоянии противодействовать своему ужасному влечению. Он осужден был на пожизненное тюремное заключение (*Lombroso C. Verzeni e Agnoletti*).

Интересна исповедь Верцени, написанная им после осуждения.

«Я испытывал неизменное удовлетворение от удушаемой женщины, тогда я возбуждался и получал настоящее сексуальное наслаждение. Даже женская одежда вызывала во мне сла-

доэротическое чувство. При удушении женщины я наслаждался больше, чем при мастурбации. Когда я пил кровь Мотты, я испытывал невыразимое наслаждение. Мне доставляло также большее удовольствие вытаскивать головные шпильки из волос убитой.

Платя и внутренности я брал с собой для того, чтобы обнюхивать и ощупывать их, что также доставляло мне приятное ощущение. Мать моя под конец узнала об этом, замечая после каждого убийства или покушения на убийство семенные пятна на моей рубашке. Я не сумасшедший, но в моменты душения я ничего не сознавал. Совершив убийство, я испытывал чувство полнейшего удовлетворения и чувствовал себя отлично. Мне никогда не приходило в голову ощупывать или рассматривать половые части и т. п. С меня достаточно было сдавить женщине горло и сосать ее кровь. Половое строение женщины мне неизвестно до сего времени.

Во время душения и после я прижимался всем телом к телу своей жертвы, не отдавая предпочтения какой-либо его части».

Поводом к проявлению у Верцени его ужасного извращения послужило следующее обстоятельство. 12 лет от роду он заметил, что каждый раз, когда ему приходилось душить кур, в нем появлялось странное половое возбуждение. После того он стал истреблять массу кур, уверяя домашних, что в курятнике поселился домовый. (*Lombroso – Goltdammers Archiv. Bd. 30. S. 13.*)

Аналогичный случай, имевший место в Виттории (Испания), также описал Ломброзо.

Наблюдение 9. Некто Грухо, 41 года от роду, до того времени безупречного поведения, трижды женатый, задушил в продолжение 10 лет 6 женщин. Почти все женщины эти были проститутки, притом уже довольно почтенного возраста. У задушенных он извлекал через влагалище кишки и почки, некоторых несчастных перед смертью насиловал, с другими (если испытывал сильную импотенцию), обходилось без этого. Преступления он свои совершал с такой осторожностью, что они в течение 10 лет оставались нераскрытыми.

б) *Осквернители трупов (некрофилы).*

К ужасной категории сластолюбцев-убийц примыкают, естественно, некрофилы, поскольку у них, как и у первых в аналогичных случаях, представление, само по себе вызывающее ужас и отвращение у человека нормального, сопровождается чувственным ощущением и тем самым дает импульс к совершению акта некрофилии.

Отмеченные в литературе случаи *осквернения трупов* производят впечатление явно патологического свойства, но все они, за исключением знаменитого случая сержанта Бертрана, недостаточно точно исследованы и описаны.

В отдельных случаях, быть может, все сводится к тому, что неудержимое половое влечение не видит в представлении о наступившей смерти препятствия к своему удовлетворению (глубокий упадок нравственного чувства и крайняя чувственность).

К подобным примерам можно, пожалуй, отнести седьмой из случаев, сообщенных Моро (*Moreau. Des aberrations du sens genesique, 1887. 243*).

Молодой человек, 23 лет, покусился на изнасилование 53-летней женщины, и, встретив сопротивление, убил ее, совершил с нею совокупление и бросил в реку, но затем снова вытаскивал, чтобы повторить совокупление.

Убийца был в 1879 г. казнен. На вскрытии мозговые оболочки оказались утолщенными и сращенными с мозговой корой.

Другими французскими авторами также сообщены многие примеры некрофилии. Два случая касались монахов, читавших молитвы над покойниками. В третьем случае речь шла об идиоте, страдавшем к тому же периодической манией: за изнасилование он был заключен в дом умалишенных и здесь осквернял женские трупы в покойницкой.

Но в других случаях мы имеем дело, несомненно, с явным предпочтением, отдаваемым трупам перед живой женщиной. В том случае, когда над трупом не предпринимаются никакие дальнейшие акты жестокости, вроде, например, рассечения и т. п., причину возбуждения, вызываемого в извращенном индивиде, нужно, по всей вероятности, искать в самой безжизненности трупа. Возможно, что труп, единственно представляющий сочетание человеческой формы с полным отсутствием воли, потому и удовлетворяет патологическую потребность видеть объект желания безгранично себе подчиненным, без возможности сопротивления.

Бриер де Буамон (*Gazette medicale*, 1859, 21 Juillet) сообщил историю одного некрофила, который, подкупив сторожа, пробрался в дом, где лежало тело 16-летней девушки знатного рода. Ночью услышали шум как бы от упавшего кресла в комнате, где находилась усопшая. Мать последней вбежала туда и заметила человека, спрыгнувшего в одной сорочке с одра покойницы. Сперва думали, что имеют дело с вором, но вскоре истина выяснилась. Оказалось, что человек этот, происходивший из хорошей семьи, уже неоднократно осквернял трупы молодых женщин. Он был приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Весьма интересной при рассмотрении проблемы некрофилии является история одного прелата, сообщенная Таксилем (*Taxil. La prostitution contemporaine*, 171). Прелат этот по временам являлся в Париж в дом терпимости и заказывал себе проститутку, которая должна была ложиться на парадную постель, изображая из себя труп; для довершения сходства он заставлял ее сильно набелиться. Какое-то время в комнате, как бы превращенной в покойницкую, он, облачившись в траурную одежду, совершал печальный обряд, читал отходную, затем совокуплялся с молодой женщиной, которая все это время должна была изображать усопшую.

Случаи, в которых преступник оскверняет и рассекает труп на куски, скорее поддаются объяснению. Они непосредственно примыкают к мании убийства на почве сладострастия, поскольку жестокость или, по крайней мере, стремление наложить руку на женское тело сочетается со сладострастием этих лиц. Быть может, сохранившийся еще остаток нравственного чувства удерживает их от совершения акта жестокости по отношению к живой женщине, быть может, фантазия перескакивает через сладострастное убийство и прямо переходит к его результату, к трупу. Возможно, что и здесь играет роль представление о полном отсутствии воли в трупе (некросадизм).

Наблюдение 10. Сержант Бертран – человек нежного телосложения, странного характера, с детства замкнутый, нелюдимый, любящий уединение

Состояние здоровья его родных недостаточно точно известно, но достоверно установлены случаи душевных заболеваний в восходящем поколении. Еще ребенком он обнаруживал ничем не объяснимую склонность к разрушению и ломал все, что попадалось под руку.

В раннем детстве он, без всякого постороннего внушения, стал заниматься онанизмом. На 9-м году он начал испытывать склонность к лицам другого пола. В 13 лет в нем пробудилось сильное стремление к половому сношению с женщинами; в это время он усиленно предавался онанизму, причем воображение рисовало ему каждый раз комнату, наполненную женщинами, с которыми он имел сношение и затем мучил их. Вслед за этим он представлял себе их трупы, которые он подвергал осквернению. Иногда при этом в фантазии его возникало и представление о сношении с мужскими трупами, но картины эти вызывали в нем отвращение.

С течением времени он стал испытывать стремление проделывать то же самое и с настоящими трупами.

За отсутствием человеческих трупов он доставал трупы животных, распарывал им живот, вырывал внутренности и при этом мастурбировал, что доставляло ему чувство несказанного наслаждения. В 1846 г. он перестал уже довольствоваться трупами и стал убивать собак, проделывая с ними вышеназванные манипуляции. К концу этого года в нем впервые пробуди-

лось страстное желание воспользоваться для своих целей человеческими трупами. Вначале он, однако, боялся этого, но в 1847 г., когда он случайно заметил на кладбище только что засыпанную могилу, желание это, сопровождаясь головной болью и сердцебиением, овладело им с такой силой, что, несмотря на близость людей и опасность быть застигнутым врасплох, он вырыл труп. За неимением подходящего орудия, которым он мог бы рассечь труп, он схватил могильную лопату и с яростью стал наносить трупу удары.

В 1847 и 1848 гг., примерно через каждые две недели, у него, при появлении сильной головной боли, пробуждалось желание надругаться над трупом. Невзирая на большие опасности и преодолевая значительные трудности, он около 15 раз удовлетворял эту потребность. Он вырывал трупы руками и под влиянием испытываемого возбуждения не чувствовал даже получаемых при этом повреждений. Овладев трупом, он разрезал его саблей или карманным ножом, вынимал внутренности и при этих условиях мастурбировал. Пол трупа, по его словам, не играл для него никакой роли, хотя следствием было установлено, что этот современный вампир выкопал больше женских трупов, нежели мужских.

Во время совершения этих актов он испытывал неизъяснимое половое возбуждение. Изрезав труп, он каждый раз снова закапывал его.

В июле 1848 г. он случайно добыл труп 16-летней девушки. Тут впервые его охватило страстное желание совершить совокупление с трупом. «Я покрыл его поцелуями и бешено прижимал его к сердцу. Все, что можно испытать при сношении с живой женщиной, ничто в сравнении с полученным мною наслаждением. Через 1/2 часа после этого я по обыкновению рассек тело на куски, вынул внутренности, а затем опять закопал труп».

Лишь после этого преступления Бертран, по его словам, почувствовал потребность перед тем, как рассечь труп, совершать с ним половое сношение. Так он поступил впоследствии с тремя женскими трупами. Но собственно мотивом выкапывания трупов было, как и прежде, их рассечение, которое доставляло ему несравненно большее наслаждение, чем совокупление с ними. Последнее являлось всегда только эпизодом главного акта и никогда не утоляло его страсти, вследствие чего он неизменно после совокупления с трупом рассекал его или какой-либо другой труп.

Судебные врачи признали этот случай «мономанией». Военный суд приговорил Бертрана к тюремному заключению на один год.

Наблюдение 11. Известный Ардиссон родился в 1872 г., происходит из семьи преступников и помешанных, учился сносно. Не пил, не страдал эпилептическими припадками, никогда не болел, но умственно ограничен. Его приемный отец, с которым он жил, был безнравственный человек. А. в детстве занимался мастурбацией, обычно поедая собственную сперму, бегал за девушками, не понимая, что они над ним смеются. Имел обыкновение вылизывать место, где мочились женщины. Ничего плохого в этом не видел. В селе он слыл «сосателем». Вместе с отцом он пользовался нищенками, которые у них ночевали. Охотно занимался развратом, женские груди являлись для него фетишем, и он любил их сосать. С течением времени он дошел до некрофилии. Он вырывал трупы женщин в возрасте от 3 до 60 лет и у трупов сосал грудь, производил куннилингус и только в виде исключения совершал совокупление. Один раз он взял с собой голову женщины, в другой раз – труп девочки 3-х с половиной лет. После совершения своих ужасных дел он старательным образом опять приводил могилу в порядок. Жил он изолированно, для себя, временами был пасмурен, никогда не обнаружил добрых чувств, но в общем был обыкновенно в хорошем расположении духа, которое не оставляло его и позднее в тюрьме, работал в качестве помощника у каменщика. Стыд и раскаяние по поводу совершенного были ему чужды. В 1892 г. он долгое время исполнял обязанности могильщика. Призванный на военную службу, он дезертировал и занимался нищенством. Любил употреблять в пищу кошек и лягушек. Когда его вернули на военную службу, он снова дезертировал. Его

не наказывали, так как считали его не вполне нормальным. Наконец ему предоставили свободу. Он снова сделался могильщиком. Присутствие на погребении 17-летней девушки с пышной грудью пробудило в нем снова влечение выкапывать трупы. Таких осквернений могил он совершил много. Голову усопшей он взял с собой, часто целовал ее и называл своей невестой. Он был захвачен в то время, когда, принеся домой труп 3-летнего ребенка и спрятав его в солому, ночью занимался удовлетворением своей страсти, даже гниение трупа, выдавшее его, не смущало его. Невозмутимо, с улыбкой сознался он во всем. А. небольшого роста, принадлежит к типу прогнатов с симметрическим черепом, общая дрожь, ослабленное питание, половые органы нормальны, половое возбуждение отсутствует. Малоразвит. Нравственные чувства совершенно отсутствуют. Пребывание в тюрьме ему нравилось. (Эполар «Вампиризм»).

в) *Истязание женщин (уколы до крови, бичевание и т. п.).*

К предыдущим двум категориям – мании убийства на почве сладострастия и осквернению трупов, притом скорее к первой категории, – примыкают те случаи, в которых поранение жертвы сладострастия и вид текущей крови ее являются источником возбуждения выродившихся индивидов.

Таким чудовищем был пресловутый маркиз де Сад, именем которого воспользовались для обозначения сочетания сладострастия с жестокостью. Само по себе половое сношение его не привлекает и не возбуждает, если не сопровождается уколами, приводящими к кровотечению. Вершину наслаждения давало нанесение ран обнаженным проституткам, и такое ранение стало обязательным условием.

Сюда же следует отнести и сообщение Бриера де Буамона об одном капитане, заставлявшем свою возлюбленную всякий раз перед половым актом, практиковавшимся им очень часто, приставлять себе пиявки к известным местам. В конце концов у этой женщины развилось помешательство, возникшее на почве сильнейшего малокровия. Следующий случай, заимствованный из моей личной практики, рисует в очень характерной степени эту взаимную связь между сладострастием и жестокостью со стремлением проливать кровь и наслаждаться ее созерцанием.

Наблюдение 12. Х, 25 лет, происходит от отца-сифилитика, умершего от паралитического слабоумия, и от матери, страдавшей конституциональной неврастенией истерического характера. Это слабый, конституционально-невропатический субъект, с многочисленными анатомическими признаками вырождения. Еще в детском возрасте отмечены приступы ипохондрии и навязчивые идеи. Впоследствии наступило постоянное чередование возбужденного и угнетенного настроения. Уже 10-летним мальчиком пациент испытывал своеобразное сладострастное ощущение при виде пораненного пальца и текущей из него крови. Он производил себе поэтому нередко уколы или порезы пальца и чувствовал себя тогда наверху блаженства. Довольно рано к этому присоединилась эрекция, наступавшая и в том случае, когда он созерцал чужую кровь, например, когда случались порезы пальца у горничной, это особенно вызывало в нем любовно-страстные ощущения. Его половая жизнь стала пробуждаться со все большей и большей силой. Никем не побуждаемый, он начал онанировать, причем каждый раз его воображению рисовались образы истекающих кровью женщин. Его уже перестало удовлетворять созерцание собственной текущей крови, и он жаждал лицезреть кровь молодых женщин, особенно таких, которые были ему симпатичны. Нередко он с трудом мог воздержаться от искушения поранить своих двух кузин и горничную. Но и женщины, сами по себе мало ему симпатичные, порождали в нем это влечение, если они действовали на него возбуждающим образом особым туалетом, украшениями, преимущественно кораллами. Ему удавалось противостоять своему влечению, но в его фантазии постоянно возникали кровавые мысли, неизменно сопровождающиеся сладострастными ощущениями. Между теми и другими идеями и ощущениями суще-

ствовала тесная, неразрывная связь. Часто воображению его представлялись и иного рода картины, опять-таки с окраской жестокости, так, например, он видел себя тираном, убивающим толпу залпом картечи, далее он мысленно рисовал себе сцену вторжения неприятеля в город с убийством, грабежом и изнасилованием девушек. В спокойные промежутки времени пациент, обычно человек добродушный и в этическом отношении неущербный, стыдился подобных сладострастно-жестокых фантазий и чувствовал к ним сильнейшее отвращение; они тотчас же исчезали, коль скоро его половое возбуждение удовлетворялось онанистическим актом.

По прошествии немногих лет у нашего пациента развилась неврастения, и в этом состоянии для семяизвержения достаточно было уже одного мысленного представления крови и кровавых сцен. Желая избавиться от своего порока и своих цинически-жестокых фантазий, больной предпринял половые сношения с женщинами. Половой акт удавался, однако, только в том случае, когда больной вызывал в своем воображении образ девушки с порезанным и истекающим кровью пальцем. Без содействия этого мысленного представления эрекция не наступала. Представление о порезе ограничивалось лишь женской рукой. В моменты наиболее высокого подъема полового возбуждения *достаточно было уже одного созерцания симпатичной ему женской руки, чтобы вызвать интенсивную эрекцию*. После того как, напуганный чтением одной популярной брошюры о вредных последствиях онанизма, пациент перестал мастурбировать, он впал в состояние тяжелой общей неврастении с ипохондрической дистимией, отвращением к жизни. Сложный и бдительный врачебный уход в течение года снова поставил его на ноги. Прошло три года, и он психически здоров, по-прежнему испытывает частое половое влечение, но прежние кровожадные представления овладевают им лишь изредка. От рукоблудия Х. отказался окончательно. Он удовлетворяется естественными половыми сношениями, вполне potentен и не имеет надобности прибегать к кровавым представлениям.

То, что подобного рода сладострастно-жестокое влечение могут возникать лишь эпизодически и при известных исключительных состояниях у невропатически отягощенных лиц, доказывается следующим случаем, заимствуемым у Тарновского (указ. соч., с. 61).

Наблюдение 13. З., врач, невропатической конституции, плохо реагирующий на алкоголь и при обычных условиях нормально отправляющий половые функции, не в состоянии уже, как только он выпил вина, удовлетворять свое повышенное половое влечение обычным актом совокупления, и, для того чтобы добиться извержения семени и испытать чувство полнейшего удовлетворения похоти, он должен был уколоть или надрезать ланцетом ягодицы женщины, созерцать текущую кровь и чувствовать внедрение лезвия в живое тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.